

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 16. «Я не прожил, я протомился половину
жизни земной»

Выпуск № 528

Николай Гумилёв

Творчество

Моим рождённые словом,
Гиганты пили вино
Всю ночь, и было багровым,
И было страшным оно.

О, если б кровь мою пили,
Я меньше бы изнемог,
И пальцы зари бродили
По мне, когда я прилёт.

Проснулся, когда был вечер.
Вставал туман от болот,
Тревожный и тёплый ветер
Дышал из южных ворот.

И стало мне вдруг так больно,
Так жалко стало дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшего без меня...

Умчаться б вдогонку свету!
Но я не в силах порвать
Мою зловещую эту
Ночных видений тетрадь.

1918

Александр Блок

Я живу в глубоком покое.
Рою днём могилы корням.
Но в туманный вечер – нас двое.
Я вдвоём с Другим по ночам.

Обычайный – у входа в сени
Где мерцают мои образа.
Лоб закрыт тенями растений.
Чуть тускнеют в тени глаза.

Из угла серебрятся латы,
Ипуская жалобный скрип.
В дальних залах – говор крылатый
Тех, с кем жил я, и с кем погиб.

Одинок – в конце вереницы –
Я – последний мускул земли.
Не откроет уст Темнолицый,
Будто ждёт, чтобы все прошли.

Раздавив похоронные звуки
Равномерно-жутких часов,
Он поднимет тяжкие руки,
Что висят, как петли веков.

Заскрипят ли тяжкие латы?
Или гроб их, как страх мой, пуст?
Иль Он вдунет звук хриповатый
В этот рог из смердящих уст?

Или я, как месяц двурогий,
Только жалкий сон серебрю,
Что приснился в долгой дороге
Всем бессильным встретить зарю?

1904

Выпуск № 988

Николай Клюев

Я был прекрасен и крылат
В богоотеческом жилище,
И райских кринов аромат
Мне был усладою и пищей.

Блаженной родины лишён
И человеком ставший ныне,
Люблю я сосен перезвон
Молитвословящий пустыне.

Лишь одного недостаёт
Душе в подветренной юдоли, –
Чтоб нив просторы, лоно вод
Не оглашались стоном боли,

Чтоб не стремил на брата брат
Враждою вспыхнувшие взгляды,
И ширь полей, как вертоград,
Цвела для мира и отрады.

И чтоб похитить человек
Венец Создателя не тщился,
За то, отверженный навек,
Я песнокрылия лишился.

1911

Александр Блок

Я вам поведал неземное.
Я всё сковал в воздушной мгле.
В ладье – топор. В мечте – герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летящим в облаке огня!

1905

Николай Гумилёв

Пророки

И ныне есть ещё пророки,
Хотя упали алтари.
Их очи ясны и глубоки
Грядущим пламенем зари.

Но им так чужд призыв победный,
Их давит власть бездонных слов,
Они запуганы и бледны
В громадах каменных домов.

И иногда в печали бурной
Пророк, не признанный у нас,
Подъемлет к небу взор лазурный
Своих лучистых, ясных глаз.

Он говорит, что он безумный,
Но что душа его свята,
Что он, в печали многодумной,
Увидел светлый лик Христа.

Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть ещё, как он, пророки –
Святые рыцари добра.

Он говорит, что мир не страшен,
Что он Зари Грядущей князь...
Но только духи тёмных башен
Те речи слушают, смеясь.

1905

Выпуск № 534

Александр Пушкин

О бедность! затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель?..
Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен:
В молчании добро должно твориться,
Но нечего об этом толковать.
Здесь пищу я найду для дум моих,
Я чувствую, что не совсем погибнул
Я с участью моей.

1835

Александр Блок

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к сединам,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, суждённый старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду.
Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти рассказы далече –

Они пленяли с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт...
Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою
Дряхлею, сохну, душит злость,
И я морщинистой рукою
С усилием поднимаю трость...
Кому поверить? С кем мириться?
Врачи, поэты и попы...
Ах, если б мог я научиться
Бессмертной пошлости толпы!

1903

Выпуск № 526

Иннокентий Анненский

Ego

Я – слабый сын больного поколения
И не пойду искать альпийских роз,
Ни ропот волн, ни рокот ранних гроз
Мне не дадут отрадного волненья.

Но милы мне на розовом стекле
Алмазные и плачущие горы,
Букеты роз увядших на столе
И пламени вечернего узоры.

Когда же сном объята голова,
Читаю грёз я повесть небывлую,
Сгоревших книг забытые слова
В туманном сне я трепетно целую.

Александр Блок

Ты много жил. Негодование
В своей душе взлелеял ты.
Теперь отдайся на прощание
Бессмертью чистой красоты.

Увенчан трепетом любимым,
Отдай источник сил твоих
Иным богам неумолимым
Для новых сеяний живых.

А сам, уверенно бесстрастный,
Направь к могиле верной путь,
И – негодующий напрасно –
Умри, воскресни и забудь.

1899

Выпуск № 563

Николай Клюев

Спас

Я родился в вертепе,
В овчем тёплом хлеву,
Помню синие степи
И ягнячью молву.

По отцу-древоделу
Я грущу посейчас.
Часто в горенке белой
Посещал кто-то нас, –

Гость крылатый, безвестный,
Непостижный уму, –
Здравствуй, тятенька крестный, –
Лепетал я ему.

Гасли годы, всё реже
Чаровала волшба,

Под лесной гул и скрежет
Сиротела изба.

Стали цепче тревоги,
Нестерпимее страх,
Дьявол злой тонконогий
Объявился в лесах.

Он списал на холстину
Ель, кремли облаков;
И познал я кончину
Громных отрочьих снов.

Лес, как призрак, заплавал,
Умер агнчий закат,
И увёл меня дьявол
В смрадный, каменный ад.

Там газеты-блудницы,
Души книг, души струн...
Где ты, гость светлолицый,
Крестный мой – Гамаюн?

Взвыли грешные тени:
Он бумажный, он наш...
Но прозрел я ступени
В Божий певчий шалаш.

Вновь молюсь я, как ране,
Тишине избяной,
И к шестку и к лохани
Припадаю щекой:

О, простите, примите
В рай запечный меня!
Вяжут алые нити
Зори – дщери огня.

Древодельные стружки
Точат ладанный сок,
И мурлычет в хлевушке
Гамаюнов рожок.

1916-1918

Сергей Есенин

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я её донести?
Брошу всё. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поёт, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всём дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

1922

Выпуск № 1384

Николай Гумилёв

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что влюбил и сушу и море,

Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей,
Что так больно сердце томила
Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что её легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.

Фёдор Сологуб

Я испытал превратности судеб,
Я видел много на земном просторе,
Трудом я добывал свой хлеб,
И весел был, и мыкал горе.

На милой, мной изведанной земле
Уже ничто меня теперь не держит,
И пусть таящийся во мгле
Меня стремительно повержет.

Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод, –
Мой труд. Иных земных наград
Не жду за здешний дикий холод.

Когда меня у входа в парадиз
Суровый Пётр, гремя ключами, спросит:
«Что сделал ты?» – меня он вниз
Железным посохом не сбросит.

Скажу: «Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны
И, вообще, мои грехи,
Апостол Пётр, многообразны.

Но я – поэт». И улыбнётся он,
И разорвёт стихов рукописанье.
И смело в рай войду, прощён,
Внимать святое ликованье.

Не затеряется и голос мой
В хваленьях ангельских, горящих ясно.
Земля была моей тюрьмой,
Но здесь я прожил не напрасно.

Горячий дух земных моих отрав,
Неведомых чистейших серафимам,
В благоуханье райских трав
Вольётся благовонным дымом.

1919

Сергей Есенин

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и весёлый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далёкие дали!
Всё сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нём печать.
Розу белую с чёрною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились –

Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, –

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

1923

Выпуск № 1163

Алексей Толстой

Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна, ни покою!
С жизнью бороться приходится, с бабой-ягою!
Старая крепко меня за бока ухватила,
Сломится, так и гляжу, молодецкая сила!
Пусть бы хоть молча, а то ведь накинулась с бранью,
Слух утомляет мне, сплетница, всякою дрянью.
Ох, насолили мне дрязги и мелочи эти!
Баба, постой, погоди, не одна ты на свете!
Сила и воля нужны мне для боя иного –
После, пожалуй, с тобою мы схватимся снова!

1859

Александр Пушкин

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох в сума;
 Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
 Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
 Пустился в тёмный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
 Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
 В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
 Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
 Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решётку как зверка
 Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
 Не шум глухой дубров –
А крик товарищей моих
Да брань зрителей ночных,
 Да визг, да звон оков.

1833

[Выпуск № 1228](#)

[Анна Ахматова](#)

Подражание Кафке

Другие уводят любимых, –
Я с завистью вслед не гляжу, –
Одна на скамье подсудимых
Я скоро полвека сижусь.
Вокруг пререканья и давка

И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.
И в тех пререканиях важных,
Как в цепких объятиях сна,
Все три поколения присяжных
Решили: виновна она.

Меняются лица конвоя,
В инфаркте шестой прокурор...
А где-то темнеет от зноя
Огромный небесный простор,
И полное прелести лето
Гуляет на том берегу...
Я это блаженное «где-то»
Представить себе не могу.
Я глохну от зычных проклятий,
Я ватник сносила дотла.
Неужто я всех виноватей
На этой планете была?

1960

Зинаида Миркина

Бушующий девятый вал
Весны, всю эту святость мая, —
Всё это Моцарт понимал
Так, как никто не понимает.

Всё это многоцветье крыл,
Всё дуновенье многотравья, —
Всё это Моцарт нам дарил. —
За это он и был отравлен.

Все слёзы счастья, счастье слёз, —
Всё, до чего нам не добраться,
Он это с неба нам принёс, —
За что и лёг в могиле братской.

И всё же с каждой весной,
С минутой каждой многокрылой...

Ах, Моцарт, Моцарт, в миг иной
Встают живыми из могилы...

1984

Выпуск № 790

Александр Блок

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи тёмные спустилась.

Мир не велик и не богат –
И не глядеть бы взором чёрным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным...

А здесь – какая-то свирель
Поёт надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилого ребёнка...»

Я тоже – здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепию.
Мой сирый дух – твой верный пёс,
У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим тёмным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что жизни сон глухой?
Отрава – вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...

Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мёртвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нет,
Что людям дам, что ты дала мне,
А люди – на могильном камне
Начертят прозвище: Поэт.

1908

Лариса Миллер

Я опять за своё, а за чьё же, за чьё же?
Ведь и Ты, Боже мой, повторяешься тоже,
И сюжеты Твои не новы,
И картинки Твои безнадежно похожи:
Небо, морось, шуршанье травы...
Ты – своё, я – своё, да и как же иначе?
Дождь идёт – мы с Тобою сливаемся в плаче.
Мы совпали. И как не совпасть?
Я – подобье Твоё, и мои неудачи –
Лишь Твоих незаметная часть.

1998

Арсений Тарковский

На пространство и время ладони
Мы наложим ещё с высоты,
Но поймём, что в державной короне
Драгоценней звезда нищеты,
Нищеты, и тщеты, и заботы
О нерадостном хлебе своём,
И с чужими созвездьями счёты
На земле материнской сведём.

1968

Выпуск № 572

Арсений Тарковский

Кухарка жирная у скарעד
На сковородке мясо жарит,
И приправляет чесноком,
Шафраном, уксусом и перцем,
И побирушку за окном
Костит и проклиняет с сердцем.

А я бы тоже съел кусок,
Погрыз бараний позвонок
И, как хозяин, кружку пива
Хватил и завалился спать:
Кляните, мол, судите криво,
Голодных сытым не понять.

У, как я голодал мальчишкой!
Тетрадь стихов таскал под мышкой,
Баранку на два дня делил:
Положишь на зубок ошибкой...
И стал жильём певучих сил,
Какой-то невесомой скрипкой.

Сквозил я, как рыбацья сеть,
И над землёю мог висеть.
Осенний дождь, двойник мой серый,
Долдонил в уши свой рассказ,
В облаву милиционеры
Ходили сквозь меня не раз.

А фонари в цветных размывах
В тех переулках шелудивых,
Где летом шагу не ступить,
Чтобы влюбленных в подворотне
Не всполошить? Я, может быть,
Воров московских был бесплотней,

Я в спальни тенью проникал,
Летал, как пух из одеял,
И молодости клясть не буду
За росчерк звёзд над головой,

За глупое пристрастие к чуду
И за карман дырявый свой.

1957

Лариса Патракова

Эту бездну в себе я измерила собственным словом:
Ошибись я однажды, ко мне никогда не вернётся
Холод сонных долин, где и жизни не ткётся основа,
Эхо чутких снегов, над которыми ангел несётся.

Ошибись я однажды – была бы сыта и одета
В плен шелков, о которых мечта износилась в лохмотья...
Эту бездну в себе я измерила жизнью поэта,
Вырываясь из плена безжалостной, царственной плоти.

Марина Цветаева

Благословляю ежедневный труд,
Благословляю еженощный сон.
Господню милость и Господень суд,
Благой закон – и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр,
И пыльный посох свой, где все лучи...
– Ещё, Господь, благословляю мир
В чужом дому – и хлеб в чужой печи.

1918

Выпуск № 779

Мария Петровых

Какое уж тут вдохновение, – просто
Подходит тоска и за горло берёт.
И сердце сгорает от быстрого роста,

И грозных минут наступает черёд,
Решающих разом – петля или пуля,
Река или бритва, но наперекор
Неясное нечто, тебя карауля,
Приблизится произнести приговор.
Читает – то гневно, то нежно, то глухо,
То явственно, то пропуская слова,
И лишь при сплошном напряжении слуха
Ты их различаешь едва-едва,
Пером неумелым дословно, построчно,
Едва поспевая, ты запись ведёшь,
Боясь пропустить иль запомнить неточно...
(Петля или пуля, река или нож?..)
И дальше ты пишешь, – не слыша, не видя,
В блаженном бреде не страшась чепухи,
Не помня о боли, не веря обиде,
И вдруг понимаешь, что это стихи.

1943

Анна Ахматова

Не мешай мне жить – и так не сладко,
Что ты вздумал, что тебя томит?
Иль неразрешимая загадка
Ледяной звездой в ночи горит,

Или галереями бессонниц
Ты ко мне когда-то приходил,
Иль с давно погибших белых звонниц
Мой приезд торжественный следил?

В прежних жизнях мы с тобою счёты
Плохо подвели, о бедный друг!
Оттого не спорится работа,
Сухо в горле, кровь бормочет что-то
И плывёт в глазах кровавый круг.

Иль увидел взор очей покорных
В тот для памяти запретный час,
Иль в каких-то подземельях чёрных
Мёртвой оставлял меня не раз.

И при виде жертвы позабытой
Места не найти теперь...
Что там – окровавленные плиты
Или замурованная дверь?

В самом деле – сотни километров,
Как ты и сказал мне, – сущий вздор,
И знакомый с детства голос ветра
Продолжает наш старинный спор.

1959

Арсений Тарковский

Анжело Секки

– Прости, мой дорогой
мерцовский экваториал!
Слова Секки

Здесь, в Риме, после долгого изгнания,
Седой, полуслепой, полуживой,
Один среди небесного сиянья,
Стоит он с непокрытой головой.

Дыханье Рима – как сухие травы.
Привет тебе, последняя ступень!
Судьба лукава, и цари не правы,
А всё-таки настал и этот день.

От мерцовского экваториала
Он старых рук не в силах оторвать;
Урания не станет, как бывало,
В пустынной этой башне пировать.

Глотая горький воздух, гладит Секки
Давным-давно не чищенную медь.
– Прекрасный друг, расстанемся навеки,
Дай мне теперь спокойно умереть.

Он сходит по ступеням обветшалым
К небытию, во прах, на Страшный суд,
И ласточки над экваториалом,
Как вестницы забвения, снуют.

Ещё ребенком я оплакал эту
Высокую, мне родственную тень,
Чтоб, вслед за ней пройдя по белу свету,
Благословить последнюю ступень.

1957

Выпуск № 1181

Ирина Ратушинская

Я твердь сложу, и обведу зубцами,
И купол выращу светлее облаков,
И буквицы глубоко врежу в камень,
И не сорвусь с расшатанных мостков.

Шагну назад, но разучусь паденью
И, не расслышав снизу голоса,
Намечу контуры – невидимые зренью,
Но ясные, когда закрыть глаза.

А для незрячих – краску разведу,
Которую ни страх, ни тлен не тронет.
И напишу такую красоту,
Что проклянут меня и похоронят.

1980

Бахыт Кенжеев

Ну и что с того, что дышать отвык,
что чужим останусь в родной стране?
Посмотри, как корчится черновик,
полыхая в чёрном, в ночном огне.

То ли буквы – искрами в высоту?
То ли стенам тесно от сонных звёзд?
Ах, не всё-то масленица коту,
настаёт ему и великий пост,

настаёт расплата за светлый грех –
усмехнись в ответ и смолчать сумей.
Может, в жизни главное – трепет век,
перелёт зрачка, разворот бровей.

И за эту плоть, за тепло, за смерть
расплатиться буйною головой.
чтобы много пить, чтобы мало петь,
захлебнувшись радугой кочевой...